

АЛЕКСАНДР КАЛМЫКОВ

Взлетают против ветра

ПОВЕСТЬ

Александр Калмыков

Взлетают против ветра. Повесть

«Издательские решения»

Калмыков А. И.

Взлетают против ветра. Повесть / А. И. Калмыков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836386-3

Произведение повествует о человеке, который мечтал связать свою жизнь с небом. Путь к мечте был заполнен творчеством созидания, преодолением трудностей и приключениями. Настоящая повесть является продолжением повести «Желторотик». Книга рассчитана на читателей в возрасте 18+.

ISBN 978-5-44-836386-3

© Калмыков А. И.
© Издательские решения

Взлетают против ветра

Повесть

Александр Иванович Калмыков

© Александр Иванович Калмыков, 2017

© Александр Иванович Калмыков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6386-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр приехал в аэропорт Курумоч и удобно устроился в кресле в центре зала ожидания.

В динамиках громкоговорителя то и дело раздавался женский голос диктора, который объявлял о прилётах и вылетах самолётов.

Сколько раз Александр вот так сидел в этом зале и ждал свою посадку в самолёт.

Воздушный маршрут «Курумоч – Ташкент – Бахкент» был знаком ему до мельчайших подробностей.

Вот и сейчас он уже, может быть, в последний раз ждёт вылета в Ташкент, чтобы оттуда самым первым рейсом вылететь в Бахкент, как это было всегда до этого дня.

Дни учёбы в Куйбышевском авиационном институте остались позади.

Александр достиг частички своей заветной мечты. Он поступил, отучился и успешно окончил этот институт. Теперь он авиационный инженер, перед которым открылась дверь в большую жизнь, полную неожиданностей, приключений и творчества.

Но какое преодоление жизненных ситуаций пришлось ему перенести, чтобы стать авиационным инженером?

В памяти Александра, словно картинки из прошлого, мелькали события его жизни в городе Куйбышеве.

Он окончил школу в далёком городе Бахкенте и приехал в город Куйбышев, чтобы поступить в авиационный институт, о котором мечтал.

Ему удалось это сделать, но жизнь в городе Куйбышеве сложилась не так, как он её представлял себе, находясь в Бахкенте ещё до поступления в институт.

Шесть лет назад он стал студентом Куйбышевского авиационного института имени легендарного Сергея Павловича Королёва.

Однако Александр стал студентом—вечерником и был им с первого до последнего курса целых шесть лет, вкусив все «прелести» вечернего образования, совмещая учёбу с работой на производстве. Не обошли стороной и житейские дела.

Воспоминания следовали одно за другим в той последовательности, в какой они построили его жизнь до сегодняшнего дня.

Шесть лет назад учёба Александра на первом курсе вечернего факультета самолётостроения Куйбышевского авиационного института началась двадцатого сентября.

Студенты-первокурсники дневного отделения в эти дни, уже попробовав вкус учёбы в институте и студенческой жизни, готовились к уборке картошки на колхозных полях Куйбышевской области. Александру об этом поведал Борис, с которым он повстречался в общении, когда зашёл в гости к знакомым ребятам, теперь уже студентом института. Он зашёл к ним специально, чтобы рассказать о своих успехах, о том, что он не отстал от них, что он тоже теперь студент, как и они.

Ребята встретили его с радушием, но были озабочены предстоящими сельскохозяйственными работами. Погода с каждым днём всё заметнее портилась. Зачастили холодные осенние дожди, а у большинства ребят не было одежды, соответствующей предстоящим работам.

Александр сочувствовал приятелям, вспоминая свои, ещё совсем недавние, ежегодные хлопкоуборочные мучения в полях Узбекистана. В душе он был рад избавлению от, ставших ему ненавистными, сельскохозяйственных работ.

Всю оставшуюся свободную от учёбы неделю Александр посвятил обустройству своей жизни. Он окончательно переселился из села Рождествено в городскую квартиру к Алле Федотовне. Первые свободные дни после зачисления в институт он просто гулял по городу, знакомился с его улицами, ходил в кино. Чуть позже его потянуло в спортивный зал. Организм требовал занятий, если не спортивной гимнастикой, то, хотя бы, просто какими-либо физическими упражнениями. Об устройстве на работу он пока не думал. Не дорос ещё до этого своим разумом.

Однажды ему повезло. Осваиваясь в учебных корпусах института, он, в третьем учебном корпусе, на Московском шоссе, наткнулся на милый его сердцу гимнастический зал. Здесь он узнал, что этот спортивный зал учебный, и в нём проводятся занятия со студентами. А гимнасты института тренируются в спортивном зале, который находится в здании театра оперы и балета на площади Куйбышева. Этот спортивный зал находится во втором этаже в правом крыле здания театра.

Александр легко нашёл гимнастический зал на площади Куйбышева. Когда он вошёл туда, спортзал был пустой. Александр с некоторой настороженностью внимательно осмотрелся, надеясь, что-нибудь выяснит. И вдруг он увидел, что в углу, за кучкой матов, сидит средних лет мужчина в синей шерстяной «олимпийке» и что-то пишет.

Мужчина мельком взглянул на вошедшего парня, но ничего не сказал, продолжая своё занятие.

Постояв ещё с минуту в дверном проходе, Александр решил подойти к этому человеку и расспросить его о гимнастах.

– Очевидно, это тренер какой-нибудь команды, – подумал Александр. – Он, наверное, всё про всех знает. Узнаю у него, когда здесь тренируются гимнасты авиационного института.

С этими мыслями Александр сделал несколько шагов к мужчине, благо тот сидел неподалёку от входа в спортзал.

Прервав своё занятие, мужчина поднял глаза на Александра, когда тот приблизился к нему. Молча, он осмотрел юношу с ног до головы, ожидая, очевидно, вопросов с его стороны.

– Здравствуйте! – решительно произнёс Александр, глядя прямо в голубые глаза мужчины.

– Здравствуй! – спокойно ответил мужчина, кивнув при этом головой.

– Я зашёл узнать о команде гимнастов авиационного института, – продолжил говорить Александр. – Вы не знаете, когда они тренируются? В какие дни? В какие часы?

При этих словах Александра у мужчины вопросительно взметнулись брови, а выражение лица стало удивлённым.

– А, ты, что, гимнаст?

– Да! – утвердительно сказал Александр. – Только я не здешний. Я поступил на первый курс авиационного института и хочу продолжить тренировки.

После слов Александра мужчина отложил в сторону свои бумаги и, заметно оживившись, стукнул ладонью по скамейке, приглашая юношу, таким образом, присесть рядом с ним.

– Ну-ка, садись, – сказал мужчина. – Ты сегодня удачно зашёл сюда. Я тренер команды гимнастов авиационного института. И, к тому же, я старший преподаватель кафедры физвоспитания. Звать меня Владимир Алексеевич. А фамилия моя, Кульков. Давай, расскажи о себе. Кто ты? Что ты? Откуда? На какой факультет поступил?

Александр рассказал тренеру всё о себе. История его поступления в институт вызвала бурю негодования у Владимира Алексеевича.

– Почему ты не разыскал меня до вступительных экзаменов? – возмущался тренер. – У меня жена работала в приёмной комиссии. Я помог бы тебе поступить на дневное отделение!

Тренер искренне и откровенно сокрушался.

– А, может быть, ты переведёшься кандидатом на дневное отделение? – продолжал говорить Владимир Алексеевич. – Ты, подумай! Я завтра же поговорю с деканом третьего факультета. Мы с Нападковым в хороших отношениях. Подумай!

Но Александр думать об этом не хотел. Он не знал, кто такой Нападов, но то, что можно перевестись с вечернего отделения на дневное отделение института, он знал. Ему не нравилось одно обстоятельство такого перевода. Если на экзаменах в сессии кандидат получает всего одну «двойку», а не три «двойки», как нормальные студенты, то такой кандидат отчисляется из института сразу. Так, по крайней мере, ему рассказывали ребята в общежитии. А это его не устраивало изначально. Срабатывал инстинкт самосохранения. Ну, и третий факультет – это факультет эксплуатации самолётов и авиадвигателей. Поэтому, третий факультет не для него. Он конструктор, а стало быть, должен учиться, пусть даже на вечернем факультете, но по специальности «самолётостроение».

Познакомившись, таким образом, с новым для себя тренером, Александр решил продолжить спортивные тренировки. Благо, они были днём и не мешали его вечерней учёбе.

Определив свой жизненный путь, Александр обо всём написал домой родителям и своей любимой. Он с каждым днём скучал по ней всё больше и больше. Неожиданно для Лилии, прекратив писать ей письма, он и не подозревал, что этим обидел девушку. Он даже не представлял себе, как ей было плохо без него. Особенно плохо было ей, когда она вернулась после отдыха в Боровухе домой в Бахкент, не увидев его ещё раз в Куйбышеве на обратном пути из Белоруссии. Родной город стал для неё пустым и скучным без него. В голову лезли всякие мысли, от которых становилось обидно и грустно.

Такие же чувства начал испытывать и Александр, когда все волнения поступления в институт остались позади.

– Здравствуй моя любимая, моя единственная, моя родненькая, моя маленькая, моя сладенькая, моя дорогая, моя золотая, моё солнышко, мой зайчик, моя прелесть, моя радость, моё счастье, моя Лилечка! Обнимаю тебя сильно, сильно, сильно, сильно, присильно и крепко, крепко, крепко, крепко, прикрепко целую всю, всю, всю!...

Этими словами начинались все его ежедневные письма к ней в далёкий Бахкент.

Написав письмо Лилии, он словно побывал рядом и поговорил с ней. На душе от этого становилось легче и спокойнее.

Первый день учёбы в институте был для Александра торжественным и необычным. Так, по крайней мере, ему казалось. Хотя, ничего необычного в этот день не было. Просто у него было душевное состояние, как у прилежного первоклассника, впервые идущего в школу.

Занятия начинались в восемнадцать часов тридцать минут. Однако, он пришёл за занятия, что называется, заблаговременно. Ещё не было шестнадцати часов, когда он переступил порог учебного корпуса вечернего факультета.

Четырёхэтажное здание на улице Физкультурной вмещало в себе сразу два учебных заведения. Днём это был авиационный техникум. Вечером в нём обучались студенты-вечерники авиационного института.

Два с лишним часа Александр бесцельно слонялся по пустым коридорам корпуса. Он даже начал досадовать на самого себя за столь ранний приход. Но ему ничего другого не оставалось делать в эти часы, кроме того, что ждать начала занятий.

После восемнадцати часов здание, наконец, наполнилось народом. Первыми двумя парами у первокурсников были лекции по математике и истории КПСС. Все лекции первого

факультета проходили в аудитории четыреста два. Отныне, это было основным местом учёбы Александра и его сокурсников, с которыми ему ещё предстояло познакомиться.

Лекционный зал, или аудитория четыреста два, было довольно большим помещением с высокими и просторными окнами в двух боковых стенах. В этом помещении свободно мог бы разместиться гимнастический зал. В этом зале на крашеном деревянном полу в четыре ряда шеренгами стояли учебные столы и стулья, за которыми свободно могли бы усесться не меньше двухсот человек одновременно.

Войдя в лекционный зал, Александр увидел, что он в нём уже не один. Несколько студентов определили себе места и, усевшись поудобней, вполголоса о чем-то спокойно беседовали. Видно было, что они давно знакомы друг с другом.

Ребята с интересом взглянули на вошедшего Александра. Тот кивнул им головой в знак приветствия. Они ответили тем же. После этого ребята продолжили свои разговоры, не обращая больше внимания на Александра и других входящих в зал студентов.

Александр осмотрелся и, выбрав себе место, уселся за стол в центре зала. Помещение быстро заполнилось студентами. Незадолго до звонка, очевидно, все студенты первого курса были в сборе, и значительная часть мест была заполнена ими.

Большинство из них не были знакомы между собой и теперь с интересом рассматривали друг друга, знакомясь между делом с соседями по столам.

Александр бросилось в глаза то, что эти все первокурсники выглядят старше, чем те, которые поступили на дневное отделение института. Среди вечерников было довольно много вполне взрослых мужчин и женщин уже знающих жизнь. Среди мужчин было несколько военных, которые выделялись среди всех остальных своей офицерской формой одежды. Были здесь и совсем молодые девчонки. Но женщин среди первокурсников было намного меньше, чем первокурсниц дневного отделения. Основной контингент вечерников составляли мужчины, и Александру это понравилось. Среди взрослых и серьёзных людей ему показалось, что и он стал взрослее.

Монотонно потянулись дни вечернего обучения. Первые дни учёбы в институте Александр воспринимал как учёбу в школе. Но это уже была другая школа.

Через неделю после начала занятий декан вечернего факультета объявил студентам-первокурсникам о необходимости предоставления ими справок с места работы.

Большинство из первокурсников уже работали в производстве, и это требование выполнили легко. Александру же нужно было устраиваться на работу. Он ничего не имел против работы. Однако, трудоустройство отягощало учёбу.

Александр завидовал студентам дневного отделения. Они спокойно учились, не думая о работе. И жизнь у них была интересней. Днём учёба, а вечерами занятия по душе. У Александра всё было иначе. Днём нужно было работать, а после работы до поздней ночи быть на занятиях в институте, а позднее ещё и выполнять домашние задания.

Чтобы работа не отражалась на учёбе, он устроился работать в институте слесарем – сантехником. Администрация института благосклонно относилась к работающим в его стенах студентам-вечерникам, предоставляя им для учёбы некоторые льготы в рабочее время. И всё бы ничего, да вот только Александр оказался в среде ему совсем непривычной и чуждой. Ему было не по себе наблюдать ежедневные пьянки старших коллег по работе. Ещё труднее и мучительней было чистить засорившиеся унитазы в учебных корпусах и с завистью смотреть на беззаботную жизнь студентов дневного отделения.

Получив справку с места работы, Александр сдал её в деканат. Отныне он считался работающим студентом.

Проработал он слесарем-сантехником недолго. Чуть меньше трёх месяцев. К этому его подтолкнуло письмо от родителей, в котором они советовали ему бросить все дела и заниматься

только учёбой. Они готовы были содержать сына какое-то время, пока он не втянется в учёбу и в самостоятельную жизнь. Родители позволяли ему только учиться.

Александр уволился со своей первой в жизни работы. Получив в подарок от родителей уйму свободного времени, он стал жить жизнью почти такой же, какой жили студенты дневного отделения института. Разница была лишь только в том, что он днём был свободен, а учился вечером.

С первых недель самостоятельной жизни пришлось привыкать к этой самой жизни вдали от дома и от родителей. Папы и мамы теперь рядом не было. Приходилось о себе заботиться самому. Пришлось учиться готовить себе еду, следить за чистотой одежды, стирать и мыть посуду в чужой квартире.

Поначалу Александр питался одним только рисом. Он отваривал себе рисовую кашу на воде и ел её утром, в обед и вечером перед уходом в институт.

Так было в первый месяц учёбы. Позже он приучил себя ходить в столовые, когда лучше узнал город и их местоположение в нём.

Приближался ноябрь, а вместе с ним и праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции, который с 1917 года ежегодно праздновался в его стране седьмого и восьмого ноября.

Эти дни на этот раз попадали на середину недели. Глядя в календарь, Александр прикинул, что, если он, в пятницу, в самолёте улетит домой в Бахкент, и вернётся обратно через неделю, то на его отсутствие в институте никто не обратит внимания. За два месяца учёбы он ни разу не пропустил, ни одного часа занятий и лекций. В то же время он видел, что его сокурсники, особенно те, которые работали в авиационном заводе, иногда пропускали занятия, навёрстывая свои пропуски в последующие дни. Это явление становилось привычным, но не было нормой.

Дни между воскресными и праздничными днями по расписанию занятий первого курса были лекционными. День девятого ноября тоже был объявлен выходным, в связи с переносом на это число выходного дня одиннадцатого ноября. А следующие два дня после десятого ноября тоже по расписанию были лекционными. В такие дни учёт посещаемости занятий студентами практически не вёлся.

Анализируя эту ситуацию, Александр всё больше и больше проникался мыслью о том, что сможет съездить домой в Бахкент на неделю без каких-либо осложнений в учёбе. Он признавался сам себе, что не домой, к родителям, его тянет, а желание увидеться с Лилией.

Письма он посылал ей почти каждый день. Но письма не могут заменить встречу. И чем ближе был ноябрь месяц, тем всё больше Александр думал о поездке домой и о своей любимой. В конце концов, он окончательно решил, что поедет домой на неделю, и с нетерпением стал ждать, когда наступят первые числа ноября. За неделю до второго ноября он купил себе билет на самолёт для полёта по маршруту «Куйбышев – Ташкент – Бахкент». Это оказалось делом простым и лёгким, потому что стоил билет всего половину своей цены. Билет на самолёт Александр приобрёл льготный по своему студенческому билету. Скидка в пятьдесят процентов полагалась студентам только дневных отделений учебных заведений, но, многие иногородние студенты-вечерники, проявляя предприимчивость и находчивость, всякими способами старались поставить штампик «Дневное отделение» в своих студенческих билетах. Многим из них это удавалось. В числе этих многих был и Александр.

Приближение зимы всё больше напоминало о себе. Пора осени уже перевалила за свою середину. Дни были хоть и солнечными и ясными, но холодными. Светлое время суток уже заметно сократилось. Александру, привыкшему к среднеазиатскому теплу Узбекистана, приходилось одеваться всё теплее и теплее. В череду ясных и солнечных дней прорывались хмурые и дождливые дни. Холодные северные ветры сдували остатки жёлтых листьев с потемневших веток деревьев.

Думая о Лилии, Александр с беспокойством вспоминал, что в это время идёт разгар хлопковой страды на полях Узбекистана. В это время на его Родине почти все люди от мала до велика принудительно направлялись в колхозы на сбор хлопка. И никто не мог противиться этому. А значит, и она сейчас находится со своими коллегами по работе на бескрайних хлопковых полях и с утра до вечера, обдирая нежные руки об острые щупальца хлопковых коробочек, собирает «белое золото» Узбекистана. То, что Лиля находится на изнурительном сборе хлопка, он догадывался по тому, что она очень редко стала посылать ему письма. Александр знал, что чаще писать ему она сейчас не может. Для этого у неё нет нормальных условий. Письма ему она писала и посылала только в те дни, когда ей удавалось на денёк приехать домой. А таких дней в хлопковую страду у жителей Узбекистана бывает мало. Думая о Лилии, Александр писал ей нежные письма, в которых мечтал о том, что как было бы хорошо, если бы она была рядом с ним в Куйбышеве.

Наступил ноябрь. В день отъезда Александр, как обычно, пошёл на занятия в институт. Сразу же после занятий он сел на проходящий автобус сто тридцать седьмого маршрута и через час оказался в аэропорту «Курумоч». До вылета его самолёта в Ташкент оставалось полтора часа. Несмотря на то, что время перевалило за полночь, спать ему совсем не хотелось. Он торопил время, чтобы скорее увидеть любимую.

Самолёт Ан-10 вылетел в Ташкент точно по расписанию и понёс Александра на своих крыльях в далёкий Узбекистан. Через четыре с половиной часа самолёт приземлился в аэропорту Ташкента.

В Ташкенте уже было светло. Часы показывали семь часов утра местного времени. Выйдя из самолёта, Александр сразу заметил разницу в климатических условиях. После холодной погоды в Куйбышеве в Ташкенте было по-летнему тепло. Деревья ещё были в зелени листьев. И не было, пока ещё, никакого намёка на приближение холодов.

Хоть Александр и не брал с собой в дорогу ничего лишнего, тем не менее, оказалось, что лишним предметом для него стало его осеннее пальто, которое ему пришлось снять и нести в руках. Не обременённый чемоданами, как другие пассажиры, Александр со своим портфелем и пальто в руке наперевес быстро направился в аэровокзал к диспетчеру по транзитным пассажирам, чтобы зарегистрироваться на ближайший рейс в Бахкент. Первый самолёт в Бахкент вылетал через час, и Александр рассчитывал на нём уже утром попасть домой. Но на этот рейс ему не довелось попасть. Ни на ближайший рейс, ни на какие другие рейсы в Бахкент свободных мест не было. Александр был в отчаянии. Он так рвался домой, пролетел почти три тысячи километров, а тут... такой облом.

Но, делать было нечего. Поинтересовавшись в справочном бюро, на чём можно добраться до Бахкента, он узнал, что нужные поезда уходят только вечером, а это значит, что до дома он доберётся только через сутки. Можно было бы поехать в автобусе, но и это был не лучший вариант, потому что ближайший автобус, в котором он мог поехать в Бахкент, приезжал туда поздно вечером. Да и ехать в автобусе больше двенадцати часов не очень приятно. Нужно было искать какой-то выход и принимать срочное решение. И такой выход Александр нашёл.

Изучая расписание движения самолётов по аэропорту Ташкента, он увидел, что может, если не долететь до Бахкента напрямую, то, хотя бы подлететь к нему поближе. Александр увидел в расписании, что есть рейсы в город Нуратан, который находился всего в ста километрах от Бахкента. Из Нуратана он мог бы доехать до Бахкента в автобусе часа за три и во второй половине дня уже быть дома, а вечером увидеть Лилию.

К его счастью, на первый рейс в город Нуратан были свободные места, и Александр принял решение вылетать туда. С переоформлением билета проблем не было, и через час он уже летел в самолёте Ан-24 в город Нуратан.

Раньше он два раза бывал в этом городе на соревнованиях по спортивной гимнастике вместе со своей командой и, поэтому, легко ориентировался в своих дальнейших действиях.

Полёт до Нуратана занял полтора часа времени. Аэропорт Нуратана находился за городом и располагался со стороны Бахкента. Рядом с аэропортом пролегла автотрасса от Нуратана до Бахкента, по которой регулярно ходили рейсовые автобусы. Благодаря этому Александр во второй половине дня уже был дома. Подъезжая к Бахкенту, он по-новому смотрел на свой город. Александр уже успел привыкнуть к городу Куйбышеву и российской природе.

Пейзажи Узбекистана, издавна привычные для его глаз, и виднеющиеся минареты и мечети Бахкента теперь казались ему сказочной экзотикой Востока.

Когда Александр пришёл домой, то застал там только сестрёнку Валю. Родители в это время были на рынке, где закупали продукты к предстоящему празднику. Александр с нетерпением ждал их прихода, чтобы, увидевшись с ними, сразу же пойти к Лилии.

Брат с сестрёнкой вместе дожидались родителей. Валя рассказала брату обо всех домашних новостях. Для Александра рассказ сестрёнки не был новостями. Всё, что происходило в их доме, он знал из писем матери.

Когда родители пришли с рынка домой, то с удивлением увидели сына. Для Ивана Андреевича и Евдокии Ефремовны его приезд оказался полной неожиданностью и большой радостью.

После прихода родителей домой Александр почти сразу пошёл к своей любимой. Евдокия Ефремовна и Иван Андреевич не препятствовали этому, как ни хотелось им, чтобы он остался дома. Родители понимали его состояние и, поэтому даже не уговаривали сына, чтобы он побыл с ними.

– Ты, наверное, сейчас к Лиле побежишь? – спросила сына Евдокия Ефремовна.

– Да, мама! – ответил ей Александр. – Только ты с отцом не обижайтесь. Я, ведь, не завтра уезжаю. Ещё наговоримся.

– Ты, сынок, и приехал-то, наверное, не к нам, а к ней?

– Не скрою, да! Я мечтал в Куйбышеве об этой встрече.

– Ну, тогда иди к ней. Только возвращайся домой пораньше. А то, ведь, я тебя знаю, пробудешь с ней до позднего часа, а потом, в полночь, пешком пойдёшь домой из другого конца города. А в городе шпана всякая пристать может. Приди пораньше, чтобы мы с отцом не беспокоились. Лучше завтра, с утра и до ночи будешь с ней.

– Хорошо, мама.

Мать вздохнула, видя в окно, как сын быстрыми шагами удаляется от дома.

К Евдокии Ефремовне подошёл Иван Андреевич и обнял её за плечи.

– Вот и вырос наш сын, – сказала мужу Евдокия Ефремовна.

– Да, уж, – ответил ей Иван Андреевич, – совсем он взрослый и самостоятельный. И это хорошо. Я за него спокоен.

Александр, тем временем, дошёл до остановки автобуса и сел в проходящий автобус. Через полчаса он уже был перед калиткой в деревянных воротах знакомого дома. Он не сомневался в том, что Лилия в это время находится дома. Перед праздником всех хлопкоробов-горожан обычно отпускали домой.

Волнуясь от ощущения предстоящей встречи, Александр сильно постучал ладонью по шершавой поверхности ворот. Через минуту томительного ожидания он, наконец, вначале услышал шаги, а затем увидел Лилию.

Ничего не подозревая, она, одетая простенько, по-домашнему, спокойным и неторопливым шагом подошла к воротам и открыла калитку, чтобы посмотреть, кто стучит.

Перед ней, улыбаясь, стоял Александр.

Ахнув от неожиданности, она растерялась. Она стояла перед Александром в смущении за домашний вид и не знала, как ей поступить.

Ей хотелось одновременно сделать невозможное. Ей хотелось обнять любимого и сильно прижаться к нему, и в то же время хотелось убежать домой, чтобы быстро привести себя в порядок и переодеться.

Александр вовсе не обращал внимания на её одежду и домашний вид. Он видел только её глаза и тонул в них от счастья и радости встречи. Он протянул ей руки, чтобы помочь перешагнуть через порог калитки. Он сразу обнял Лилию, едва она сделала это и оказалась перед ним. Обнимая девушку, Александр беспрестанно целовал её в губы, в щёки, в шею. Целуя любимую, он вдыхал незабываемый аромат её волос.

Лиля смушалась от такого проявления его страсти. Она была ошеломлена его неожиданным появлением и нахлынувшим на неё чувством огромного счастья.

Александр вернулся в Куйбышев через неделю. В институте никто даже не заметил его отсутствие. И снова начались учебные будни. Днём он сидел в областной библиотеке, которая находилась в левом крыле величественного здания театра оперы и балета. Александр любил это место. Здесь всё было рядом. Через площадь Куйбышева, напротив театра оперы и балета, находился окружной Дом офицеров с хорошим кинозалом, куда он иногда ходил смотреть художественные фильмы. Чуть дальше стоял памятник Чапаеву, который верхом на лошади указывал бойцам верный путь к победе. А дальше был спуск к набережной Волги, который извивался по ступенчатым лестницам и асфальтированным дорожкам среди деревьев парка.

Через день, в будничные дни Александр посещал спортивный зал, который находился в том же здании театра оперы и балета, но в правом его крыле на втором этаже. Он продолжил тренировки в составе гимнастов авиационного института. Однако, эти тренировки не принесли ему удовольствия, как это бывало прежде в Бахкенте. Во время тренировок он испытывал постоянное ощущение опасности во время работы на снарядах. Его прежние тренеры уделяли внимание каждому из спортсменов, а особое их внимание было к их надёжной страховке во время работы на снарядах. А тренер гимнастов авиационного института предоставлял полную свободу своим подопечным во время тренировок, постоянно находясь от них на приличном расстоянии. Александру это не нравилось. В таких условиях он не мог совершенствоваться своё спортивное мастерство. Он не знал своих ошибок во время выполнения того или иного элемента комбинации на снарядах. А ещё он не мог разучивать новые, более сложные элементы упражнений из-за полного отсутствия интереса к этому процессу у тренера и отсутствие по этой причине должной страховки с его стороны. Поэтому, несмотря на желание продолжать заниматься спортивной гимнастикой, у Александра постепенно начал пропадать интерес к таким тренировкам. И изменить что-то он был не в силах. Тренер, напротив, заинтересован был в таком спортсмене в своей команде, каким был Александр. Он даже предложил ему однажды перевестись с вечернего факультета на дневное отделение института. Александр, может быть, и согласился бы на это, но тренер предложил ему перевестись на факультет эксплуатации самолётов и двигателей. А это его не устраивало. Он хотел стать самолётостроителем и, поэтому, отказался.

Во время одной из тренировок Александр принял решение больше не ходить в спортивный зал. На принятие такого решения повлиял случай.

Во время выполнения опорного прыжка через коня, он не рассчитал своих движений и после толчка руками о тело коня, во время полёта над ним зацепился за него кончиками вытянутых пальцев ног. В результате этого дальнейший полёт Александра над конём происходил по незапланированной траектории. В полёте над конём он увидел, что его приземление, а ещё вернее, падение, произойдёт не на маты, как обычно, а на скамейку, на которой обычно сидят спортсмены, дожидаясь своей очереди работать на снаряде. Эта скамейка почему-то оказалась очень близко от дальнего края матов. Так, по крайней мере, казалось в этот миг Александру. Причём, он не просто приземлится на скамейку, а попадёт в неё лицом и изменить в этом ничего не сможет. В одно мгновение в его сознании пронеслась мечта о тренерской страховке,

которой, увы, не было. Тренер в эту минуту находился в другом конце спортивного зала. Силой воли и каким-то чудом Александр увернулся от рискованного приземления. Довольно жёстко ударившись о скамейку, он приземлился на четвереньки. После этого он встал, и, выпрямившись, посмотрел на тренера. Тот по-прежнему сидел в другом конце зала и спокойно наблюдал за гимнастами. Неудачного прыжка Александра тренер, как показалось Александру, даже не заметил.

– Если так продолжать и дальше, то институт я не закончу, – подумал Александр. – Видимо, нужно выбирать. Или учёба. Или тренировки и спорт. А поскольку я приехал в Куйбышев учиться, а не спортом заниматься, то тренировки нужно прекращать. Здесь я ничего не достигну, а вот шею свернуть могу запросто. И ни спорта потом не будет, ни, тем более, учёбы. А что для меня важнее? А для меня важнее успешно окончить институт и стать авиационным инженером. Следовательно, на такие тренировки и к такому тренеру я ходить не буду. Займусь учёбой и самолётами. Это важнее.

Так Александр принял решение и после этого больше на тренировки не ходил. Всё время он посвятил учёбе и конструированию своих любимых самолётов.

Жизнь в Куйбышеве у Александра складывалась не очень гладко. Он легко преодолевал трудности в учёбе. Но кроме этих трудностей всё чаще возникали трудности бытовые из-за сложных отношений с хозяйкой квартиры, у которой он жил.

В общем, он поддерживал с ней хорошие отношения. Будучи дисциплинированным человеком, по своей натуре, Александр беспрекословно выполнял все её требования по поддержанию порядка в комнате и оплате своего проживания в её квартире.

Поначалу он даже уважал эту женщину за то, что она была членом коммунистической партии, и даже была членом партийного бюро на заводе, где работала. Но, со временем, он увидел противоречия в поступках этой женщины. Ничто человеческое ей не было чуждым.

С раннего возраста он привык к тому, что коммунист должен быть образцовым во всех делах человеком. Член коммунистической партии, по его мнению, всегда должен оставаться честным и порядочным человеком. Наблюдая за жизнью и поведением одинокой хозяйки, он видел, что это не так и удивлялся её жадностью. А началось всё с мелочей.

Через два месяца после его поселения в этой квартире, Алла Федотовна неожиданно увеличила ему, квартиранту, сумму оплаты за проживание в её квартире. После этого она ещё добавила оплату за квартиру в виде отдельного платежа за расходование электроэнергии.

Александр терпеливо переносил это, своевременно оплачивая все пожелания хозяйки. Он удивлялся тому, что с него она требовала всё большую и большую оплату, несмотря на то, что он почти не бывал в своей комнате. А если и бывал, то находился в ней на птичьих правах, ибо, сдав комнату квартиранту, Алла Федотовна по-прежнему полностью распорядилась этой комнатой по своему усмотрению, как если бы Александра в ней вовсе не было.

Он чувствовал себя человеком, которого ущемили в свободе, но терпел всё ради учёбы. Это было главным в его теперешней жизни. Учёба была на первом месте.

– Саша, ты слишком много расходуешь электроэнергию. – Почти каждый день одно и то же говорила ему Алла Федотовна, едва он, после занятий в институте, приходил в эту квартиру и включал единственную лампочку в своей комнате. – Помимо оплаты за комнату, тебе нужно платить и за свет. Ты не думай, что я жадная. Я не жадная. Я экономная.

– Но, Алла Федотовна, я же только лампочку включаю, а она мало потребляет электроэнергии.

– Мало, но потребляет. А потом, ты же пользуешься утюгом. А он тоже накручивает счётчик электроэнергии. В общем, доплачивай ещё по десять рублей ежемесячно и за электроэнергию. Договорились?

– Договорились, – отвечал, вздохнув Александр, а сам думал: «А куда деваться? Заплачу, если тебе так надо».

И платил. Деваться пока было некуда.

Приходя из института, он сразу же ложился спать, чтобы лишний раз не встретиться и не общаться с хозяйкой. Но уединения у него получались редко. Чаще, Алла Федотовна бесцеремонно входила в его комнату и делала в ней всё, что считала нужным, в любое время суток, не обращая на квартиранта никакого внимания, словно его в комнате вовсе не было.

Александр быстро это всё надоело. И он изменил свой образ жизни. Утром он вставал раньше хозяйки и, стараясь не шуметь, уходил из квартиры. Поздними вечерами, возвратившись из института, подолгу ходил под окнами квартиры, дожидаясь, когда в ней погаснет свет и Алла Федотовна ляжет спать. Только после этого он тихо открывал своим ключом дверь квартиры и на цыпочках проходил в свою комнату.

Субботные и воскресные дни он проводил у родных в Рождествено. Эти дни были для него отдушиной. В доме у дяди Вани Александр чувствовал себя, как дома. И ему в этом доме всегда были рады.

Возвращаясь поздними вечерами из института, Александр часто встречался в квартире с незнакомыми мужчинами, которых на ночь приводила к себе хозяйка. Видя такой образ жизни члена коммунистической партии и, слушая от хозяйки знакомые лозунги из морального кодекса строителя коммунизма, он думал: «Если все коммунисты такие, то никогда никакого коммунизма не будет. Все люди сейчас живут только для себя. А коммунисты только говорят красивые слова, но сами и воруют всё, что можно украсть, и врут на каждом шагу, и пьют, и гуляют. Придёт время и вместо коммунизма в стране наступит бардак и хаос!».

Однажды утром, как всегда в последнее время, собираясь уходить, Александр не обнаружил своих ботинок. У порога, в коридоре, вместо его новых ботинок стояли похожие ботинки, но не его. К тому же они были изрядно поношены. Александр понял, что в его ботинках ушёл тот мужчина, который провёл прошедшую ночь с его хозяйкой. Он не думал, что этот человек специально сменил свои старые ботинки на его, новые. Скорее всего, он просто их перепутал в темноте коридора. Но Александру от этого легче не стало. Это переполнило чашу его терпения. Он принял решение найти себе новое пристанище и уйти из этой квартиры навсегда. Александру показалось, что лучшим выходом для него будет устройство на авиационный завод, где он сможет получить место в молодёжном общежитии.

Дождавшись, когда хозяйка встанет с постели, Александр сказал ей об исчезновении своих ботинок и о том, что он о ней думает.

– Много умничаешь! – заявила ему в ответ Алла Федотовна. – Не нравится тебе те условия, в которых ты живёшь, ищи себе новую квартиру. Я жила одна много лет, проживу ещё столько же.

На это Александр ничего не ответил, но твёрдо решил в самые ближайшие дни сменить местожительство.

В этот же день вечером, после занятий в институте, он опять увидел вчерашнего мужчину в квартире Аллы Федотовны. Тот с извинениями вернул ему его ботинки.

В течение недели Александр устроился на работу слесарем-сборщиком в сборочный цех авиационного завода и, выписавшись из квартиры Аллы Федотовны, поселился в заводском общежитии.

В небольшой, но уютной комнате общежития он отныне жил вместе с таким же парнем, каким был сам. Парня звали Михаилом. Он, как и Александр, учился на первом курсе авиационного института, но на другом факультете. Михаил приехал учиться в Куйбышев из Алматы.

Прожив некоторое время вместе, ребята подружились. Между ними были полное единодушие, доверие и взаимопонимание.

Обо всём этом он писал домой родителям и Лилии. Однако Александр писал письма дипломатично, поэтому родители и Лилия не всегда его понимали. В своих письмах он не жало-

вался на трудности. Он всегда писал, что у него всё хорошо, а трудности преодолевал самостоятельно, набираясь при этом жизненного опыта. Однако, все его последующие поступки воспринимались родителями, а особенно матерью, не всегда так, как ему хотелось. Вот и после трудоустройства на авиационный завод и переселения в заводское общежитие мать восприняла очень неодобрительно.

– Шура, – писала она ему в очередном письме, – мы с отцом делаем для тебя всё возможное. Мы даём тебе возможность пока только учиться. Зачем ты устроился на работу на завод? Тебе, что, денег не хватает?

– Денег мне хватает, – думал Александр, читая письмо из дома, – мне не хватает нормальных условий для того, чтобы где-то жить и спокойно учиться.

А домой в ответ он писал, что, как всегда, у него всё хорошо, и, что он принял такое решение потому, что считает необходимым работать, как все нормальные люди, как его новые товарищи из института.

Лилии Александр, вообще, не писал о своих проблемах. Он писал ей письма только о своей любви к ней и о том, что жизнь без неё в Куйбышеве у него скучная и однообразная, что было на самом деле.

На заводе Александр вместе с бригадой собирал крылья для самолёта Ту-154, производство которого начал осваивать Куйбышевский авиационный завод. В цехе он впервые почувствовал ответственность своего труда. То, что делал завод, в недалёком будущем будет летать. Это не по земле ездить. Кроме всего, изделия производства были очень дорогими. В случае ошибки переделывать их было очень сложно. Для этого, даже по каждой мелочи, требовались согласования с многочисленными организациями. А случайная порча изделия влекла за собой уголовную ответственность. Сборка самолёта – это работа для мужчин! Так, по крайней мере, думал Александр, начав работать в цехе авиационного завода.

Он, хоть и был новичком в производстве, но, очень быстро освоил свою новую профессию. Мастер участка уже через месяц начал поручать ему задания по самостоятельной установке деталей во время сборки крыльев. Работа спорилась в руках молодого сборщика. Александр чувствовал себя в своей стихии. Он не мог работать плохо и, поэтому, все задания мастера выполнял со всей присущей ему ответственностью.

Через небольшой промежуток времени он научился не хуже других сборщиков клепать заклёпки пневмомолотком. Пневмодрель и пневмомолоток. Это были основные инструменты во всех сборочных цехах завода.

Когда Александр впервые пришёл на работу в цех, то он, поначалу, с интересом прислушивался к пению пневмодрелей и к треску клепальных молотков, которые, как сирены и пулемётные очереди, то тут, то там раздавались среди многочисленных каркасов ступеней в установленных там агрегатов крыльев и панелей для этих крыльев. Из всех соседних прилегающих цехов, так же, как и по всей территории его шестого цеха, раздавался такой же треск клепальных молотков и трели пневматических дрелей. Это означало, что всю кипела работа. Это означало, что в заводе из множества деталей собирались красавцы самолёты Ту-154. Завод работал. Жизнь кипела. Александру это нравилось.

Рядом с шестым цехом находился седьмой цех, в котором Александру хотелось не только поработать, а хотя бы побывать. Седьмой цех был цехом окончательной сборки самолётов. Но, попасть туда, и даже заглянуть в тот цех Александру суждено не было. Что делалось в этом цехе, видно не было. Путь в седьмой цех посторонним работникам и взорам любопытных глаз преграждала высокая стена ограждения, в которой не было ни единой щелки. Вход в седьмой цех преграждала заводская охрана, которая пропускала в эту закрытую территорию только работников этого цеха и руководителей завода со специальными пропусками.

Собирая крылья для самолётов, Александр с удовлетворением ощущал своё участие к постройке новых самолётов, на которых будут летать пассажиры. Вначале он даже мечтал,

что, однажды, когда придёт время, и он полетит вкаком-нибудь из этих самолётов домой в Бахкент. И он старался собирать крылья для самолётов как можно лучше, чтобы они были надёжными и крепкими.

Мастер участка, в котором работал Александр, всё больше и больше загружал парня работой, видя, как он качественно, быстро, ответственно и толково выполняет все производственные задания.

Первые месяцы работы Александра в заводе прошли без большой для него нагрузки. К тому же, ему ещё не исполнилось восемнадцати лет, и он заканчивал свой рабочий день на час раньше остальных рабочих. В этих условиях он успешно закончил первый семестр и сдал все экзамены, отгуляв в январе во время экзаменационной сессии предоставленный десятидневный учебный отпуск.

После экзаменов в цех он вернулся уже совершеннолетним и с первых же дней работы после учебного отпуска был загружен мастером работой в полном объёме. Работая уже полный рабочий день, Александр едва успевал на занятия в институт. Хорошо, что почти все занятия проходили в учебном корпусе на улице Физкультурной. Эта улица была не очень далеко от завода. Сложнее обстояли дела, когда занятия проводились в третьем корпусе института на Московском шоссе или, ещё дальше, в первом корпусе на улице Молодогвардейской и во втором корпусе на улице Ульяновской. От завода эти учебные корпуса были весьма далеко и студенты-вечерники, а вместе с ними и Александр, едва успевали на занятия, не успев даже поужинать перед этим.

Со временем он привык и приспособился к этому режиму жизни. Но заданий в производстве у него становилось всё больше.

Мастера участка не интересовала учёба Александра. Ему нужно было выполнить производственный план, а Александр был неплохим рабочим.

– Калинов, сегодня я тебе выписал наряд на сверхурочную работу, – сказал однажды Александру мастер. – У нас отставание от намеченного плана. Тебе сегодня придётся остаться после работы и начать выполнять установку аэродинамических рёбер на левую отъёмную часть крыла.

Большинство рабочих никогда не возражали против сверхурочных работ. Напротив, рабочие с удовольствием работали и после работы, потому что сверхурочная работа оплачивалась в двойном размере. Это была большая прибавка к заработной плате. Александр тоже не против был бы работать как все, если бы не нужно было спешить в институт.

– Я не могу остаться, Василий Иванович, – отвечал мастеру Александр, – мне в институт нужно. У нас сегодня лабораторные работы.

– У тебя лабораторные работы, а у завода, на котором ты работаешь, производственный план и правительственное задание. Твоя учёба, это твои заботы и интересы. А мне важнее, чтобы ты выполнял задания, которые поручены тебе. Ты, рабочий! А я, твой мастер! Я в своей работе ориентируюсь на выполнение заданий начальника цеха. Твоя учёба меня не интересует.

– В рабочее время, Василий Иванович, пожалуйста. Я не откажусь и не отказываюсь ни от какой работы и ни от какого вашего задания. Но, это в рабочее время. А, вот, после семнадцати часов, извините. Мне нужно в институт. Для меня важнее всего именно это. И я после окончания смены работать не останусь. Я уйду. К тому же, скоро начнётся зачётный период, и мне не хочется иметь задолженности в учёбе. За это отчисляют из института за неуспеваемость. А я хочу учиться, чтобы стать авиационным инженером.

– Ну, иди, если сможешь. Я очень сомневаюсь, что тебя выпустят с завода. Иди, но, только смотри, не пожалей об этом, студент-отличник!

Александр, молча, пожал плечами. Он лишь только слегка покачал головой, глядя на мастера, давая ему понять, таким образом, что после работы он не останется в цехе.

Когда закончилась смена, Александр, как обычно, хотел взять в табельной комнате свой пропуск.

– А тебе, Калинов, мастер сверхурочную работу выписал, – сказала ему табельщица цеха, когда он потребовал у неё свой пропуск.

– Ну и что. Я ему сказал, что мне нужно в институт, и я не останусь работать сверхурочно.

– А это для меня ничего не значит. Мастер выписал тебе наряд на сверхурочную работу. Уже оформлены все документы по заводу на сегодняшних сверхурочников. Поэтому, я не дам тебе твой пропуск, пока ты не выполнишь свою работу по наряду или не принесёшь мне разрешение от начальника цеха.

– А где я сейчас найду начальника цеха?

– Не знаю.

В этот день Александр так и не смог вовремя уйти с завода и из-за этого пропустил лабораторные работы в институте. Происшедшее он воспринял болезненно, поскольку учёба, всё-таки, для него была важнее всего. И с этого времени у него испортились отношения с мастером, который перевёл его в подручные к другим рабочим. Мастер отныне если и давал Александру индивидуальные задания, то они были мало оплачиваемыми и не интересными.

Мать в своих письмах постоянно писала Александру о том, что ему необходимо оставить работу и всё своё внимание уделить только учёбе: «Шура, мы с отцом делаем всё для того, чтобы ты нормально жил и спокойно учился в институте. Ну, и зачем ты пошёл работать на завод? Впереди у тебя целая жизнь. Ещё наработаешься. И от Аллы Федотовны ты зря ушёл. Очень хорошая была у тебя квартира. И тёплая, и удобная, и в самом центре города. Где ещё ты такую квартиру найдёшь? И, давай, одумайся, удели всё время и внимание своей учёбе. Это у тебя самое главное сейчас в жизни».

– Наверное, вы правы, папа и мама, – вникая в смысл слов матери, думал Александр. – Видимо, нужно уволиться с завода. Учёба важнее. Да и не дают начальники учиться нормально. Василий Иванович то и дело норовит после работы оставить. Он не родственник и ему всё равно, учусь я или нет.

Письма родителей с предложениями уволиться и их финансовая поддержка оказывали расслабляющее действие. Конечно, можно было продолжать работать в заводе, так как это делали другие его сокурсники. Но письма из дома настраивали на противоположное действие. Тем не менее, Александр, пока, терпеливо переносил все трудности и продолжал работать в заводе. Однако в подсознании у него давно затаилась мысль о необходимости уволиться и опять продолжить жизнь беззаботного студента. Эта мысль крепла и усиливала своё влияние на него. Но другая мысль удерживала его от увольнения. Он постоянно помнил о том, что он уже не ребёнок и должен сам содержать и обеспечивать себя. Ему стыдно было признаться самому себе, что он опять сядет на шею родителям. Однако письма матери всё больше и больше склоняли его к возвращению в беззаботную жизнь. Он сопротивлялся этому соблазну, но бессознательно искал для самого себя оправдания для увольнения с завода.

Работа стала казаться ему не интересной и, даже, нудной. Утром Александр шёл на завод с неохотой и целый день ждал, когда закончится рабочий день. Утром в понедельник он ждал, когда наступит вечер пятницы. И только субботние и воскресные дни были для него желанными и естественными для нормальной жизни. В эти дни он, как обычно, ездил в Рождествено, где, окружённый заботой родственников, позволял своей душе отдыхать от трудовых и учебных забот.

Александр не решался уволиться с завода ещё и потому, что из-за этого терял право на проживание в заводском общежитии. А где жить в таком случае он пока не знал. Впервые за всё время он почувствовал себя одиноким в большом городе, в котором он никому не был нужен.

Он несколько раз пытался заняться поисками комнаты, чтобы снять её, а затем переселиться из общежития. Но, когда наступали воскресные дни, он уезжал в Рождествено, чтобы хоть немного побыть среди родных людей, оставляя поиски другого жилья на потом.

Мысленно Александр уже созрел для увольнения с завода. Для этого ему нужен был только повод. И такой повод возник.

Воскресным вечером он вернулся в общежитие после очередной поездки в Рождествено. Войдя в свою комнату, он увидел в ней Михаила. На нем лица не было.

– Что случилось? – спросил Александр. – У тебя такой вид, как будто тебя к расстрелу приговорили.

– К расстрелу не приговорили. Но, проблемы есть, – ответил Михаил, – да, и у тебя, я думаю, они тоже появились не меньше, чем у меня.

– Какие у меня могут быть проблемы?

– Обыкновенные. Проверь своё имущество, свои вещи. Нас ограбили.

– Как ограбили?

– Очень просто. У меня, например, всю мою получку украли. Я деньги всегда клал под подушку. Утром они были на месте. А когда я после обеда хотел взять немного денег, чтобы пойти погулять, то увидел, что их под подушкой, вообще, нет. Ни рубля.

– А может быть, ты их переложил куда-нибудь?

– Нет. Их украли. Кто-то воспользовался нашим отсутствием и залез в нашу комнату. На какие деньги мне теперь жить? До следующей получки ещё далеко. И самое интересное то, что меня не было в комнате всего какой-то час. Я в магазин только сходил за хлебом и макаронами.

– Зря ты, Миша, деньги хранил под подушкой. Я тебе говорил об этом. Нужно было, как я, с собой их всегда носить.

– Нужно, не нужно, – хмуро пробурчал Михаил. – Ты, лучше проверь своё хозяйство, чем меня учить.

Из хозяйства у Александра был лишь один чемодан с его вещами, который лежал под кроватью. Александр не сдавал его в комнату хранения личных вещей, потому что этот чемодан заменял ему комод. В этом чемодане у него лежали основные вещи для ежедневного пользования. Всё остальное он давно отвёз в Рождествено к дяде.

Открыв свой чемодан, Александр увидел, что половины вещей в чемодане нет. Украдены были его лучшие вещи, среди которых был коричневый полувер отца.

Определив, таким образом, что обокрали не только Михаила, но и его, Александр молча сел на свою кровать. Открытый чемодан лежал перед ним. Посмотрев на содержимое чемодана, ещё раз, Александр закрыл его и в сердцах пнул чемодан ногой.

– Вот, суки! – выругался он. – Ну, что за люди? Последние трусы готовы стащить, чтобы...

Александр не договорил. Он лишь заскрипел зубами от бессильной злости.

И Михаил, и Александр, оба понимали, что жаловаться некому. С фактом кражи пришлось смириться. Милиция, как подумали оба, им всё равно не помогла бы.

И в эти мгновения у Александра возникло полное отвращение и к заводу, в котором он пока ещё работал, и к общежитию, в котором жил.

– Ну, всё, – подумал он. – Хватит всё это терпеть. На заводе глупый мастер, в общежитии воры. Завтра же уволюсь и уйду жить на частную квартиру.

На следующий день Александр подал начальнику цеха заявление об увольнении с завода. Отработав положенные две недели после подачи заявления, он покинул авиационный завод. Увольняясь, Александр ощутил в душе щемящее чувство сожаления о случившемся. Он словно расставался с чем-то для него важным. Однако, вспомнив о своих взаимоотношениях с мастером, он вздохнул с облегчением, когда получил свою трудовую книжку в отделе кадров завода. Теперь он был свободен. Однако, после увольнения ему легче не стало. Чуть позже он

понял, что быть свободным, значит быть никому не нужным. Возникли жилищные проблемы. Увольнение с завода повлекло за собой выселение из общежития.

Покинув общежитие, он, однако, свой чемодан оставил на некоторое время у Михаила, а сам принялся искать себе комнату для переселения. Александр думал, что найти себе новое жильё он сможет быстро и без проблем, но найти подходящую квартиру сразу не смог. Возникла трудная ситуация. Рассчитывать на дом дяди в селе Рождествено он, тоже, пока не мог, потому что в самом разгаре была весна. Уже стояли довольно тёплые дни, и солнце интенсивно плавило лёд на Волге. Переправа через Волгу была невозможна до полного таяния льда на ней.

Для жителей села Рождествено переправа осуществлялась только в дневное время вертолёт Ми-4, который, набирая пассажиров на набережной, перевозил их через Волгу до околицы села, а затем, уже с другими пассажирами, возвращался обратно.

Для Александра этот вариант исключался и, к тому же, был накладным. Он мог пользоваться переправой по воздуху только в субботние и воскресные дни, когда не было занятий в институте. После занятий в институте, в ночное время, вертолёт не летал.

Александру ничего не оставалось делать, кроме того, как просить о помощи своих приятелей с дневного отделения института, которые жили в студенческом общежитии.

Такое решение он принял после того, как провёл две ночи подряд в зале ожидания железнодорожного вокзала, куда вынужден был отправляться ночевать после занятий в институте, а затем, с утра до вечера, бесцельно и бездомно блуждать по городу, не имея возможности ни отдохнуть по-человечески, ни позаниматься. Любимый город сразу стал для него чужим и жестоким.

Измученный двумя бессонными ночами, Александр во второй половине третьего дня нашёл в институте Бориса, с которым поступал учиться и с того времени довольно часто виделся с ним. Они поддерживали дружеские отношения. К этому времени Александр знал многих приятелей Бориса, которые учились с ним, и жили в одном общежитии.

Частые приходы Александра в гости к этим ребятам благоприятно отразились в нынешней ситуации. Его хорошо знали не только приятели Бориса, но и вахтёры общежития. Александра здесь давно все считали своим парнем, а вахтёры пропускали его в общежитие без всяких вопросов, словно он всегда жил в этом общежитии.

Александр нашёл Бориса в третьем корпусе института, вычислив его местонахождение по расписанию занятий. Дождавшись перерыва между занятиями, он встретился с Борисом в аудитории, и, объяснив свою ситуацию, попросил помощи.

– Мне бы три-четыре ночи переночевать у вас. За эти дни я найду себе какую-нибудь квартиру. Сегодня уже середина апреля. Не сегодня-завтра Волга очистится ото льда и начнётся нормальная переправа теплоходами. Если не получится найти квартиру, то буду плавать после занятий в Рождествено. Но это в ближайшее время. А пока где-то надо перекантоваться. Вся надежда на тебя и ребят. Помогите.

– Да, ситуация у тебя! – слушая Александра, тихо произнёс Борис. – Ты, давай, приходи вечером, когда все мы будем дома. Там всё решим. Не переживай, приютим. А, что ты такой мятый и взъерошенный?

– Две ночи на вокзале живу.

У Бориса удивлённо взметнулись вверх брови и округлились глаза.

– Ну, ты, даёшь! – удивился он. – Что, не мог раньше прийти и обо всём рассказать? Уже, наверное, нашли бы выход из этого положения.

Вечером Александр пошёл не на лекции в институт, а к ребятам в общежитие, надеясь на приют.

В общежитии ему нашли место, несмотря на то, что все койки у ребят были заняты. Выход нашли простой. Вместо койки Александру для ночёвок был предоставлен... стол.

Так он и поселился на несколько дней в общежитии среди приятелей Бориса, в их комнате.

О-о-о! С каким наслаждением Александр вытянулся на этом столе! После двух ночёвок на вокзале этот стол показался ему лучше дивана, а несколько старых курток были не хуже пуховой перины.

Вместо трёх-четырёх дней он прожил в студенческом общежитии две недели до самых Первомайских праздников. Жил он это время обычной жизнью, придя в себя после двух суток бездомного кошмара. По вечерам ходил на занятия в институт. После занятий возвращался в общежитие и располагался для ночёвки на обеденном столе ребят.

Помехой он ни для кого не был, поскольку просыпался и вставал со своего стола рано и тут же уходил из общежития, чтобы не надоедать своим присутствием. Возвращался Александр поздно, тогда, когда стол уже никому не был нужен и большинство из ребят уже отдыхали.

Студенты со свойственным юмором относились к его ночёвкам на столе. Они иногда даже шутили по этому поводу, ставя свечку на стол, когда он, уставший за день, смиренно засыпал на их столе.

В конце апреля началась судоходная навигация на Волге. Наконец возобновилась теплоходная переправа через Волгу. Дождавшись Первомайских праздников, Александр перебрался в Рождествено в дом к дяде.

Добираться до села ночью, после занятий в институте, тоже было не простым делом. Регулярная переправа по расписанию через Волгу хоть и выручала, но раньше, чем во втором часу ночи Александр добраться до дома дяди не мог. Его спасало только то, что днём он не работал и мог выспаться, а затем свободно планировать своё время.

По просьбе племянника дядя Ваня с большим трудом прописал его в своём доме. Оказалось, что и в сельсовете имеются самые настоящие бюрократы. Но всё обошлось благополучно. Александр по прописке отныне стал жителем села Рождествено.

Приближалась летняя экзаменационная сессия. Вдоволь намучившись за последние месяцы, Александр, во что бы то ни стало, решил досрочно сдать экзамены за первый курс института, чтобы поскорее поехать, домой в Бахкент к родителям и к своей любимой и там отдохнуть от всего пережитого.

Он успешно сдал все зачёты, а затем, также успешно сдал все экзамены. Экзамен, который по расписанию был последним, Александр сдал досрочно ещё до начала экзаменационной сессии. Таким образом, он приблизил время окончания первого курса. Сдав все экзамены за первый курс, он, измученный последними месяцами жизни в Куйбышеве, улетел домой, чтобы через месяц вернуться обратно в эту же жизнь и продолжить свой путь к достижению цели.

Уволившись на первом курсе из авиационного завода, Александр до конца второго курса больше не помышлял о работе. Он всецело посвятил себя учёбе. Родители, как могли, содержали сына, давая ему возможность спокойно учиться. Деньгами его не баловали, но Александр регулярно получал от них почтовые переводы. Денег ему хватало только на оплату жилья в городе и на нормальное питание в студенческих столовых.

Вернувшись из дома в Куйбышев после своих первых летних студенческих каникул, Александр некоторое время пожил у родственников в Рождествено.

Оставшееся до начала занятий время он использовал на поиски подходящей для проживания квартиры. В поисках комнаты ему пришлось пешком обойти чуть ли не весь город.

Наконец, комната была найдена, и Александр переселился из села Рождествено в город.

И вновь начались учебные будни. И не только у него. Лиля в Бахкенте поступила в политехнический институт, и тоже, как и он, на вечерний факультет. Своей будущей профессией

она выбрала теплогасоснабжение и вентиляцию в промышленном и гражданском строительстве.

Экономя на всём, Александр умудрялся копить небольшие суммы денег, чтобы два-три раза в год иметь возможность слетать на пару дней домой, и увидеться с Лилией. И с каждым разом ему всё труднее и труднее было уезжать от любимой. А Лилии всё труднее и труднее было оставаться без Александра в Бахкенте.

Летом, после второго курса, когда Александр приехал домой, он решил, что обратно в Куйбышев поедет только вместе с Лилей. Ни о чём другом он больше не думал.

– Как ты смотришь на то, что мы с тобой поедем в Куйбышев вместе? – спросил однажды Александр Лилю.

– Я думала об этом, – ответила она, – но, как всё это будет выглядеть в глазах твоих и моих родственников?

– Очень просто. Соберёмся, сядем в поезд и поедем. Я не могу жить без тебя и хочу, чтобы ты была рядом.

– Я тоже хочу, чтобы ты был рядом, но как мы будем жить вместе?

– Ну, как. Просто будем вместе и всё. Всегда будем рядом.

– Как брат с сестрой?

У Александра удивлённо изогнулись брови. Ему не хотелось, чтобы Лиля была ему как сестра. Он любил её не как сестру.

Задав вопрос, Лиля пытливо посмотрела на Александра.

– Ну, хорошо! – сказала она неожиданно. – Я хочу поехать с тобой в Куйбышев, но жить мы будем с тобой пока только как брат с сестрой.

– Как это понимать?

– Ну, как? – Лиля смутилась. – Мы будем вместе, но жить, не будем.

– Интересное выражение! Мы будем вместе, но жить, не будем! А что мы будем делать?

– Ну, будем вместе, но будем только ночевать, как брат с сестрой.

Александр понимал, о чём думает Лиля, но делал вид, что до него не доходит смысл её загадочных предложений. Он был согласен на все её условия, лишь бы она была рядом. И он видел, что она не против его предложения.

– А что скажут твои родители, когда узнают, что мы с тобой поедем вместе в Куйбышев? – спросила она. – У тебя строгая мама. Что она подумает?

– Ничего она не подумает, – ответил уверенно Александр. – Рано или поздно, всё равно мы с тобой должны поехать в Куйбышев вместе. Я думаю, что это время пришло. Мои родители поймут нас. А вот как к этому отнесутся твои родственники?

– Они не будут против этого. Я знаю. Вот только с институтом нужно будет решить вопрос моего перевода в Куйбышевский строительный институт.

Перед ними, вдруг, неожиданно возникло много проблем, о которых они раньше не думали. Всё оказывалось не таким уж простым, как это виделось раньше. Решение нужно было принимать серьёзное, и отношение к этому решению было соответствующим. И они обоюдно приняли такое решение.

Ехать в Куйбышев они наметили через неделю. Это было начало августа. А пока, всё свободное время Александр с Лилией проводили вместе, не разлучаясь ни на минуту с утра и до поздней ночи. Со своей работы Лиля уволилась. Она серьёзно и решительно готовилась к отъезду. Вот только с институтом она не знала, как поступить.

– Приедем в Куйбышев, там решим этот вопрос, – думала она.

Ни родители Александра, ни родственники Лилии не высказывали возражений против их совместного отъезда в Куйбышев.

Евдокия Ефремовна даже перестала тревожиться, если Александр до поздней ночи не возвращался домой. Она не удивилась бы, если бы он пришёл домой даже утром.

– Видимо, пришло время, – говорила Евдокия Ефремовна мужу, – когда наш сын решил навсегда соединить свою жизнь с жизнью Лилии.

– Молодой он ещё для этого, – отвечал ей в ответ Иван Андреевич. – О совместной жизни нужно думать, когда сам твёрдо на ногах стоишь. А он, что? Ещё толком нигде не работал. Профессии не имеет. Да, и сейчас, тоже не работает.

– Ты, всегда, всё сводишь к одному и тому же, – резко оборвала мужа Евдокия Ефремовна. – Для тебя главное, чтобы, что ни происходило бы, лишь бы тебя не касалось!

– Для меня главное, чтобы наш сын, наконец, начал обеспечивать сам себя. А вместо этого, он ещё и жениться собрался. Это в девятнадцать-то лет!

– Ты о чём говоришь? Никто жениться не собирается. Наш сын и Лиля любят друг друга и хотят быть рядом. Я в этом не вижу ничего дурного. Скажи лучше, что ты мечтаешь о том, чтобы Шура, как можно быстрее устроился на работу. Ты ведь об этом мечтаешь? Тебе надоело содержать его? Тебе наплевать на его учёбу и дальнейшее будущее нашего сына?

Евдокия Ефремовна, как всегда, готова была продолжать защищать поступки сына, но Иван Андреевич, видя бесперспективность своих доводов, и, зная характер жены, перестал пререкаться с ней и перевёл разговор на другую тему.

– Когда они уезжают? – спросил он.

– Шура говорил, что они хотят ехать первого августа, – ответила Евдокия Ефремовна, – а, что?

– Ничего. Так.

А в это время Александр с Лилией сидели на скамейке недалеко от того места, где три года тому назад их познакомил Валерка Абдулов.

Вечерело. Они сидели, обнявшись, и смотрели на закат солнца. Дневная жара начала спадать. Их окружала зелень декоративных кустарников и молодых деревьев. Сильного влияния на микроклимат эта зелень не оказывала, но с ней казалось, будто бы от неё веяло прохладой. На самом деле этого не было. Прохлада в Бахкенте в июле месяце не наступает ни днём, ни ночью. Несмотря на жару, они сидели, обнявшись, и мечтали.

– Пойдём домой! – неожиданно предложила Лиля.

– Куда, домой? – не понял её Александр. – Ко мне домой, или к тебе домой?

– К нам домой! – улыбнулась девушка. – Здесь, сейчас жарко, хоть и вечер наступил. А у нас дома, во дворе, под виноградником, прохладно. Толик, наверное, уже десять раз полил водой двор. Пойдём! Что мы здесь будем сидеть?

Держась за руки, словно боясь потеряться в этом суетном мире, они отправились домой к Лилии.

Брат Лилии Анатолий действительно обильно полил двор и листву деревьев и виноградника водой из водопровода. От этого во дворе царил прохладный микроклимат.

Их встретили привычно. Александр негласно давно был признан родственниками Лилии, как её жених.

– Он, лучший, из всех, – говорила об Александре всем родственникам и близким знакомым Нина, старшая сестра Лилии.

– Привет! – протянул Александру руку Анатолий. – Как дела?

– Нормально! Как всегда! – неизменно ответил Александр на приветствие Анатолия, а затем поздоровался с матерью Лилии.

Федосья Григорьевна ответила Александру и ушла в дом.

– Когда едешь в Самару? – из праздного любопытства спросил Анатолий.

– Мы едем вдвоём. Лилия тоже едет в Куйбышев.

На это Анатолий ничего не ответил. Он знал об этом от сестрёнки. Ему было не всё равно. Анатолий беспокоился за судьбу Лилии. Где-то в глубине души у него шевелилось чувство отрицания. Александр был для него чужим человеком. И хоть Анатолий давно знал его и, даже,

судил однажды его выступления на соревнованиях гимнастов, и сам в прошлом был неплохим гимнастом, и верил этому парню, но, всё равно, тревожился за судьбу Лилии. Ведь, не муж и жена же они, наконец!

– Сашочик, оставайся ночевать сегодня у нас! – предложила Александру Лиля, когда он собрался уходить домой. – Уже поздно. Я буду волноваться за тебя! А у нас ночью во дворе спать под виноградником, под открытым небом и под яркими звёздами прохладнее и приятнее, чем в душной квартире вашего дома.

Такое смелое решение Лилии привело Александра в смущение.

Да, конечно, он мечтал об этом всегда. Он мечтал, чтобы Лиля всегда была рядом с ним. И днём. И ночью.

Во дворе под виноградником стояла большая старая железная кровать. Лиля бросила на неё матрац и начала стелить постель для Александра.

– Они, что, вместе спать будут? – с оттенком недовольства в голосе, громко, чтобы слышал Александр, спросил у матери Анатолий.

Ответа Федосьи Григорьевны Александр не расслышал.

– Лиля, ты, что, вместе с Сашкой спать собираешься? – опять услышал Александр недовольный голос Анатолия.

Ему стало неловко от этих вопросов недоверия.

– Нет, – ответила брату Лиля, – я спать буду на раскладушке. Но, тоже, во дворе. Дома жарко!

– А я думал, что ты вместе с ним спать собралась! – успокоился Анатолий.

Лиля, тем не менее, поставила свою раскладушку рядом с кроватью, на которой был уложен Александр.

Ночь на свежем воздухе под луной, звёздами и виноградником была замечательной. В этой ночи не было ни шорохов, ни дуновения ветерка. Тишина, в которую изредка врывается далёкий лай собак и щебет перепёлок, да одни лишь звёзды, которые мерцали в этой тишине на чёрном куполе неба. Вот и всё, что окружало спящий город.

Несмотря на то, что перед тем, как лечь спать, Анатолий ещё раз обильно полил двор водой из водопровода для прохлады, эта прохлада почти не ощущалась. Из-за этого укрываться в постелях всем приходилось только простынями. И то, это делалось ради приличия.

Александр и Лиля, лёжа рядом, но каждый на своей постели, вначале, молча, смотрели на звёзды. Оба впервые ощущали волнительную близость друг к другу.

– Самое интересное занятие, это изучать звёзды и любоваться ими в ночи! – прошептала Лиля. – Если бы я могла, то только бы этим, наверное, и занималась бы.

– Ага! – поддержал её Александр, также шёпотом.

Надо сказать, что в эти минуты звёзды его совсем не интересовали. Он мельком бросал взгляды на ночное чёрное небо. Лёжа на спине, он повернул голову в сторону Лилии и с нежностью и любовью гладил взглядом плавные очертания её тела, которые угадывались под тонкой простыней. Спать совсем не хотелось, несмотря на то, что время давно перевалило за полночь. Лиля лежала рядом на своей раскладушке такая расслабленная и доступная. Она слегка раскинула в стороны руки. Простыня только слегка прикрывала её грудь, оставив обнаженными нежные плечи.

Александра эта близость взволновала настолько, что ему казалось, что ещё немного, и он перестанет соображать, что делает. Лежать на кровати, на спине, в то время, когда рядом на раскладушке лежала Лиля, он просто не мог. Видя её рядом, такую любимую, милую, нежную, желанную и ... почти обнажённую, он задыхался от волнения, едва сдерживая дыхание, чтобы не выдавать своих чувств. Ему хотелось не думать ни о чём, а просто скатиться с этой кровати на её раскладушку, чтобы обнять её и прижаться к ней всем своим взволнованным телом.

А Лиля, не замечая его состояния, продолжала шептать ему о звёздах.

– Из всех предметов в школе, мне больше всего нравилась астрономия, – глядя Александру в глаза, шептала она. – Звёзды для меня, это заманчивая неизведанность, которую можно бесконечно изучать. А вдруг, там тоже есть жизнь! Вдруг, на какой-нибудь из этих звёзд, вот, также как и мы, сейчас, кто-нибудь смотрит на нашу Землю, видит её маленькой звёздочкой, и, также как и мы, думает о жизни во вселенной!

Александр смотрел любимой в глаза, но ему совершенно не думалось о звёздах. В то время, когда она говорила ему о них, он мысленно гладил рукой её нежное тело, мечтая не о звёздах, а о том, что это скоро произойдёт в его жизни.

– Видишь, вон, ту большую и яркую звезду? – прошептала Лиля и подняла правую руку, показывая пальцем на звезду. – Это Венера. Планета любви. А как велик мир! И какая огромная у нас вселенная!

Лиля опустила руку и отвела её в сторону Александра. Пальцы её руки коснулись пальцев руки Александра. Его рука в это время находилась на краю кровати. Волнуясь, он с трудом сдерживал себя от того, чтобы не протянуть её дальше, к Лилии, к её обнаженным плечам.

Когда она коснулась своими пальцами его руки, то сквозь него словно прошёл разряд электрического тока. После этого Александр больше не мог просто так лежать на спине и слушать любимую. Он перевернулся на живот и взял её пальцы в свою руку, дрожа всем телом от волнения.

– Тебе, что, холодно? – прошептала Лиля, почувствовав дрожь Александра. – Жарко же, ведь!

– Нет, мне не холодно. Это у меня оттого, что я люблю тебя, а ты, так близко от меня и не со мной!

Она ничего не ответила Александру, лишь только повернулась на бок, положив на подушку голову к нему лицом. С сочувствием, глядя любимому в глаза, она погладила его руку другой своей рукой. В эти мгновения она готова была отдать ему себя, но разум удерживал её от безрассудных поступков.

– Успокойся, Сашочик! – прошептала она, глядя руку Александра. – Я тоже тебя люблю, но не будем опережать время! Ведь нам с тобой сейчас так хорошо, как никогда раньше! Я счастлива оттого, что ты рядом и мы вместе!

– Я постараюсь! – прошептал в ответ Александр.

Его рука скользнула по руке девушки. Нежным движением он погладил её руку, затем плечо, затем, набравшись решительности, он скользнул рукой под простыню и провёл ею по упругой груди Лилии, затем по её мягкому животу. Ощущая рукой под простыней плавную упругость нежного бедра, Александр изо всех сил сдерживал себя от того, чтобы не скатиться к Лилии в раскладушку и обнять, скользнув рукой по её обнаженной спине.

До самого восхода солнца Александр нежно гладил и ласкал рукой Лилу. Всю ночь он гладил её бедра, груди, плечи, а затем плечи, груди, бедра, скользя рукой по её телу под простыней. Собрав всю силу своей воли, он не позволил себе других поступков.

Лиля млела от счастья и ощущения близости любимого. Его прикосновения были приятными и нежными. Ей хотелось, чтобы ощущение нежности, ласк и счастья длилось вечно.

В этой ночи они так и не уснули. Но, несмотря на бессонную ночь, утром, на удивление обоим, были свежими и чувствовали себя отдохнувшими и счастливыми.

В намеченный день, первого августа, они вдвоём улетели на самолёте в Куйбышев.

Ранним утром второго августа самолёт Ан-10 из Ташкента приземлился в куйбышевском аэропорту «Курумоч». В полумраке уходящей ночи огни аэродрома уже не казались такими яркими, какими они бывают в ночной темноте. Синие, белые и красные огни рулёжных дорожек смешивались с первыми лучами восходящего солнца. Было уже довольно светло, хотя солнце ещё не взошло над горизонтом и лишь озаряло небо красными лучами.

Александр с Лилией, держась за руки, вышли из салона самолёта на трап, который стоял у входной двери.

В воздухе висела лёгкая дымка. Было удивительно тепло и тихо. Звёзды уже почти исчезли с неба, светлеющего с каждым мгновением. Висевшая в воздухе дымка была пропитана дурманящими запахами русского леса. После сухого, жаркого и запылённого воздуха Средней Азии, воздух России казался сладким и упоительным.

– Какой запах! – восторженно произнесла Лиля, спускаясь по трапу вниз.

– Это пахнут сосны! – ответил ей Александр, ступая рядом по шаткому трапу. – Здесь вокруг сосновые леса. Обрати внимание, Лилёчик, как здесь хорошо!

– Да, мне нравится. После Бахкента воздух здесь кажется другим.

– Да, что там воздух. Здесь всё другое. Скоро сама всё увидишь. Вот приедем на место, устроимся, после этого я тебе всё покажу. Тебе здесь понравится, непременно. Я в этом уверен.

– Для меня не природа главное, а то, что ты со мной!

– Я тебя люблю! – Александр обнял Лилю за плечи.

– Я тебя, тоже! – наклонив в его сторону голову, тихо ответила она.

Они спустились с трапа на бетонную поверхность аэродрома, и отошли в сторону, чтобы не мешать спускаться с самолёта другим пассажирам.

Александр обнял Лилю. Она прижалась к нему всем телом. Они поцеловались.

– Я так счастлив, что мы с тобой вместе, что мы с тобой здесь, в Куйбышеве! – сказал Александр. – Нас теперь ничто не разлучит!

Лиля ничего ему не ответила. Она смотрела по сторонам, привыкая к новым условиям.

Дежурная по посадке, собрав всех пассажиров ташкентского рейса в одну большую группу, повела их за собой к зданию аэровокзала.

Аэровокзал был совсем недалеко от стоянки самолёта, который прилетел из Ташкента.

Александр с Лилией решили не спешить с отъездом из аэропорта в город. Было ещё слишком раннее утро. Они осмотрели близлежащие окрестности и, найдя подходящее место для ожидания полного утра, сели на скамейку и обнялись. Так они просидели часа два, слушая шум двигателей взлетающих самолётов, вдыхая насыщенные августовские ароматы Самарской Луки. Говорили мало. Каждый был погружен в собственные мысли.

Александр ощущал всю полноту своей ответственности за дальнейшую судьбу и жизнь Лилии. Он думал о том, что вдвоём им хорошо и они счастливы. Он думал о том, что впереди, начиная уже с сегодняшнего дня, ему, как мужчине, предстоит решать вопросы их проживания и материального обеспечения. Александр понимал, что ему вновь предстоит устройство на работу. Но главным в предстоящем дне было их устройство для совместного проживания. Им нужна была крыша над головой, которой у них пока ещё не было. Собираясь в Куйбышев вместе с Лилей, ни Александр, ни его мать не оповестили родственников в Рождествено о том, что он приедет не один. Думая об устройстве, Александр не знал, как примут в семье дяди Вани его приезд вместе с Лилей.

Лиля сидела рядом, прижавшись к любимому. Утренняя прохлада не беспокоила её. Она чувствовала тепло Александра, и это согревало её. Она чувствовала, как его горячая ладонь греет её плечо, а сильная мускулистая рука, согнутая в локте, не допускает к спине прохладные дуновения свежего ветерка. Она была счастлива. Вместе с этим в душе таилась тревога будущей неизведанности. Она во всём полагалась на Александра, но и сама была готова к решительным действиям. Она с наслаждением вдыхала запахи России. Закрывая глаза, она с лёгкостью представляла себя в Матвеевке. Там были точно такие же запахи природы. Она различала эти запахи. Вдыхая ароматы лета, она думала: «Вот это запах от дубов, а вот этот от сосен. А вот так пахнет полынь. Господи! Как, похоже всё на природу, в Матвеевке!» Но она была не в Матвеевке. Она была в Куйбышеве. И жизнь у неё теперь совсем не детская. Как и Александр, она тоже думала о том, где им разместиться на первое время. В Бахкенте они, объятые

счастьем любви, как-то, об этом не договорились. Оба полагали, что всё решат на месте. И вот они на месте. У Лили в Куйбышеве тоже были родственники. Их было даже много. Больше, чем родственников у Александра. Но была одна проблема. Никто из этих родственников Лилю ни разу не видел, да и слышали они об её существовании очень редко. Уезжая в Куйбышев, она, как и Александр, тоже не сообщила своим родственникам о том, что скоро приедет. Как они воспримут её появление? Примут ли? Будут ли рады встретить и приютить на время её и Александра? Как воспримут их совместное появление и проживание? Ведь она с Александром не муж и жена!

Муж и жена! Лилия старалась не думать об этом. Она понимала, что рано или поздно такое произойдёт, но пока... Александр ей не муж.

Лилия посмотрела на Александра, заглянув ему в глаза. Он смотрел на неё открытым, чистым и любящим взглядом. Вместе с этим она увидела в его взгляде тень задумчивости. Лилия поняла, что в эти минуты он думает о том же, о чём думает и она.

– Куда, к кому поедем? – спросила она.

– Конечно, в Рождествено, – не задумываясь, ответил Александр, – дядя Ваня примет нас. Да и ненадолго же мы к ним. Уже сегодня я постараюсь найти квартиру или комнату в городе.

– А может быть лучше к моей тётке в Петра Дубраву?

– Можно было бы и к ней. Но я думаю, что вначале нам лучше поехать в Рождествено.

– Тогда поехали? Время уже позволяет.

– Да, поехали. Пока до них доберёмся, будет часов десять утра. Глядишь, и дома никого не будет. Тогда сами целый день будем в доме хозяйничать.

– А это удобно?

– На месте определимся.

– Ну, тогда поехали?

– Поехали.

Через час они уже были в городе, а ещё через полтора часа, переправившись на теплоходе через Волгу, были в селе Рождествено.

Как и предполагал Александр, в доме никого не было. Дядя Ваня и Виктор были на работе, а тётка Надя, очевидно, уехала на рынок в город, чтобы торговать там овощами со своего огорода.

Пёс Шарик, зная Александра, твякнул для приличия пару раз в адрес Лили, а затем зевнул и юркнул в свою конуру под домом, выражая полное безразличие к гостям.

А они спокойно вошли в дом и обнялись там, радуясь тому, что они, наконец, уже на месте и, что они вместе.

Поиски жилья им пришлось отложить на следующий день. День приезда оказался суматошным, и сказалась бессонная ночь, которую они провели сначала в самолёте, а затем в аэропорту Курумоч.

– Давай, сегодня останемся здесь и отдохнём после дороги, – предложил Александр, – мне кажется, что ты сильно устала.

– Я не против, – ответила Лилия, – только удобно ли это будет. Ведь мы здесь в гостях. Что подумают твои родственники, когда увидят нас в их доме. Ведь мы здесь без их согласия.

– Я думаю, что они поймут нас. Да и не на целую вечность же мы здесь. Всего только одну ночь переночуем.

– Хорошо! – Лилия вздохнула. – Тебе виднее.

– Ты, приготовь чего-нибудь вкусенькое к их приходу. У нас с тобой продуктов полные сумки. А я сейчас в магазин сбегая. Водочки возьму. Магазин здесь недалеко. Минут через двадцать я вернусь.

– Ладно, иди. Возвращайся быстрее, а то мне одной, как-то, не по себе здесь будет. А что мне приготовить? Ты сам чего хочешь?

– Приготовь чего-нибудь, на своё усмотрение.

– Плов?

– О! Это было бы здорово! А получится?

– Я постараюсь. Только нужно будет мясо где-то купить.

– Я всё понял. Всё скоро будет. Я пошёл, а ты, пока отдыхай, как дома.

Александр ушёл в магазин. Купив там «Столичную», он, заодно, разведал места, где можно было купить мясо. Меньше, чем через час он опять был с Лилей. А она, освоившись в новом для себя месте, начала готовить ужин.

Первый совместный день в Куйбышеве у Александра и Лилии пролетел как одно короткое мгновение. Ужин, приготовленный Лилией, получился праздничным. Появление племянника вместе с невестой вызвало удивление у родственников, которые вернулись с работы, и обнаружили их в своём доме. Однако, без лишних объяснений они благосклонно отнеслись к намерениям Александра и Лилии жить вместе. Им было всё понятно без лишних слов, поэтому никто не задавал вопросов. Войдя в ситуацию, дядя Ваня просто сказал Александру: «Хоть и небольшой у нас дом, но места в нём всем хватит. Живите у нас, пока не определитесь с квартирой в городе».

За ужином выпили по чарке водки за встречу и знакомство.

Плов оказался настолько вкусным, что Виктор ел его и никак не мог оторваться от этого приятного занятия, несмотря на чувство полного насыщения.

– Ну и плов! – с восторгом приговаривал он, накладывая себе очередную порцию настоящего узбекского блюда. – Я ни разу ещё не ел такого плова! И как только тебе удалось так вкусно его приготовить, Лиля?

– В этом нет ничего особенного, – смущенно улыбаясь, ответила девушка, – я дома в Бахкенте всегда такой плов готовлю.

Виктор и Александр захмелели от выпитой водки и после ужина вышли на крыльцо проглотеть на чистом, свежем воздухе. Виктор закурил.

– Ну и красавица же у тебя Лилия! – сказал он вдруг с восторгом, глядя на Александра. – И мастерица. Всё умеет делать! Я тебе завидую! Мне бы тоже такую невесту!

Александру приятно было слышать лестные слова в адрес его любимой.

Спальных мест в доме было немного. Лилию положили спать на кровать Виктора. Александру предложили раскладушку. Виктор из-за отсутствия места устроился ночевать на чердаке сарая, где толстым слоем была уложена свежая солома для корма скотины.

Ночь была тёплой, тихой и звёздной.

На следующий день дом опустел рано утром. Виктор с отцом отправились на работу, а Александр с Лилей поехали в город искать себе комнату для совместного проживания.

– Молодец дядя Ваня, – вспоминая приём родственников, сказал Александр, когда они с Лилей пересекали Волгу в теплоходе, – уже на пенсии, а всё ещё работает.

– А где он работает? – Лилия смотрела за борт теплохода на скользящие вдоль него струи воды. – Где работает Виктор?

– Дядя Ваня работает бухгалтером в леспромхозе, а Виктор работает авиатехником в авиационном центре.

– Авиационный центр, это там, где летают реактивные самолёты?

– Да. Он сам раньше летал на них. А сейчас, вот, занимается техническим обслуживанием самолётов.

– Твой дядя не очень хорошо выглядит. Он, наверное, болеет? И курит слишком много свой вонючий самосад.

– У него сильно болят ноги. Он после работы все время их растирает. Это вчера он этого не делал. Видимо мы его отвлекли. А на пенсию он уходить не торопится, потому что, как он говорит, если будет сидеть дома, то скоро загноётся.

Так за разговорами они переправились через Волгу.

Квартиру себе Александр с Лилей нашли быстро. Переправившись через Волгу, они, недолго думая, сели на трамвай и поехали, куда глаза глядят. Проезжая рядом с улицей Партизанской, Александр, вдруг решил, что здесь им повезёт. Они сошли с трамвая и направились к стоящим неподалёку пятиэтажкам. У подъезда одного из домов на скамейке, в тени деревьев, наслаждаясь тёплой погодой и свободным временем, сидели пожилые женщины.

– Здравствуйте! – поздоровался с ними Александр. – Извините за беспокойство. Вы не знаете, сдаёт ли кто-нибудь в вашем доме комнату или квартиру?

Женщины испытующе посмотрели на молодых людей и поздоровались в ответ.

– Сдают здесь квартиру, – ответила одна из них, – но только не в нашем, а в соседнем доме.

Женщина назвала номер дома и номер квартиры.

– Идите туда, – продолжала говорить она, – там живёт моя старая подружка Матрена. Это она сдаёт свою квартиру. Она живёт одна и хочет, чтобы рядом с ней жил кто-нибудь ещё. Она совсем старенькая, а детей и родных у неё совсем нет. Она пустит вас к себе. Вы оба такие хорошие и милые. Вы, наверное, недавно поженились?

Александр и Лиле не хотелось обманывать женщин, поэтому они, молча, и неопределённо покачали головами, а затем, поблагодарив их, взялись за руки и пошли к указанному дому, провожаемые пытливыми взглядами этих пожилых женщин.

– Прекрасная парочка! – донеслось до их слуха. – Эх, когда-то и мы с вами, девочки, были такими же молодыми и красивыми!

Александр с Лилией, тем временем, вошли в подъезд пятиэтажной «хрущёвки». Нужная им квартира оказалась на первом этаже. Александр нажал на кнопку звонка. Дверь открыла старушка лет семидесяти.

– Здравствуйте! – сказал Александр пожилой женщине, открывшей дверь. – Нам сказали ваши соседки, что вы сдаёте свою квартиру.

– Ишто? – напрягая слух, и, повернув к Александру правое ухо, шепеляво произнесла старушка.

– Здравствуйте! – ещё раз довольно громко произнёс Александр. – Ваши соседки сказали нам, что вы сдаёте свою квартиру.

– Ида, ида! – поняв смысл сказанного, ответила старушка. – Я хочу сдать квартиру молодым людям, чтобы они жили со мной, и помогали мне. А вы кто?

– Мы, как раз те молодые люди, которые ищут себе квартиру для жилья и хотят у вас жить, если вы не будете против, и, если мы с вами договоримся.

– Проходите в комнату, – предложила старушка, разглядывая подслеповатыми глазами Александра и Лилию.

Они переступили порог и оказались в типовой однокомнатной квартире.

– Проходите в комнату, – предложила бабка Матрёна, – посмотрите, как я живу.

Квартира у старушки была ей под стать. Всё вокруг было тёмным и мрачным. В воздухе стоял устойчивый запах давно не проветривавшегося помещения. С древнего деревянного карниза, закрывая свет в окне, висела, такая же древняя, тюлевая занавеска. По бокам свисали тёмно-коричневые гардины. Круглый стол, стоящий посреди комнаты, был накрыт такой же тёмной скатертью. В двух углах комнаты стояли большие железные кровати.

– Вот эту кровать я вам отдаю в пользование, – говорила женщина, указывая рукой на кровать, стоящую около окна в передней части комнаты, – а на другой кровати я сама спать буду. Платить мне за квартиру будете один раз в месяц. За квартиру я прошу тридцать рублей. Вы меня устраиваете. Если вам у меня понравилось и всё вас устраивает, то оставайтесь, хоть сейчас, и живите на здоровье.

Александр с Лилией переглянулись. Жить в одной комнате со старушкой не очень хотелось, но это был вариант. И они согласились.

Помня неперемное условие Лилии, что жить они будут, как брат с сестрой, Александр сразу же купил себе раскладушку, которую поставил неподалёку от кровати, на которой должна была спать Лилия. Они привезли свои вещи из села Рождествено и начали обустраиваться.

В этой квартире они прожили всего три дня.

Лиля, желая создать уют в их новом гнёздышке, повесила на карнизе новую капроновую тюль и светлые гардины. Сменила тёмно-коричневую скатерть бабки Матрёны на столе на свою белоснежную. В комнате стало светлее, и уютней. Пользуясь тёплой погодой, она ежедневно проветривала комнату и кухню. В квартире исчезли запахи дремучести, и она мало-мальски преобразилась в современное жилище, Лиля всё делала от души и, как могла, стремилась расположить к себе одинокую старушку.

Александр в эти дни ездил в отдел кадров авиационного завода. Приняв решение устроиться на работу, он вновь решил пойти работать на этот завод. Однако его недавнее увольнение отрицательно сказалось в трудоустройстве. В отделе кадров не спешили предложить ему работу, а попросили подождать пару недель.

Всё свободное время Александр и Лиля проводили вместе. Александр знакомил девушку с городом, помогал благоустроить квартиру. И всё бы ничего, но своим благоустройством они вмешались в привычки своей хозяйки.

Бабка Матрёна резко изменила своё отношение к ним после того, как Лиля повесила свои светлые занавески на окно, постелила белую скатерть на стол и начала проветривать квартиру. Она бурчала и проявляла недовольство по любому поводу.

Все попытки Лилии и Александра поговорить с ней были бесполезными. Бабка Матрёна была недовольна своими новыми жильцами и не скрывала этого.

Лиля терпела все упрёки хозяйки, стараясь угождать ей во всём.

У Александра терпение закончилось через три дня.

– Так жить невозможно, – сказал он Лилии после очередного бурчания старухи, – нужно найти другую квартиру. А пока, давай, моё солнышко, поедем опять в Рождествено.

– Квартиру, конечно, нужно сменить, – ответила Лиля, – но, в Рождествено, я думаю, ехать не стоит. Ведь у меня в Куйбышеве тоже есть родственники. Вместо того, чтобы ехать в Рождествено, давай лучше поедем к моей самой младшей тётке в Петра Дубраву. Это недалеко от города. Я узнавала у соседей, где находится этот посёлок, когда ты ходил на завод. В Петра Дубраву и автобус городской ходит. Его смешно называют автобусом один, два, три.

Посоветовавшись, они так и решили сделать и на четвёртый день, поблагодарив бабку Матрёну за гостеприимство, поехали со всеми своими вещами к Лилиной тётке в посёлок Петра Дубрава.

Ирина Билибина сидела за столом и оформляла заявки жителей посёлка Петра Дубрава на ремонт газовых колонок в их квартирах. Она работала мастером по их ремонту в местной конторе газового хозяйства.

Скрипнула дверь. Ирина оглянулась и увидела, что в комнату вошёл высокий парень, который держал в одной руке чемодан, а в другой собранную раскладушку. Рядом с парнем стояла и улыбалась миленькая и аккуратная девушка, лицо которой показалось Ирине знакомым.

Пауза молчания длилась недолго.

– Здравствуй, Ирина! – проговорила, улыбаясь, девушка. – Ты меня узнаёшь? Это я, Лиля, твоя племянница из Бахкента.

– Господи, как же я сразу не догадалась! – Ирина встала со стула и взмахнула руками. – Ну, конечно! Так и есть, Лиля!

Родственницы обнялись и расцеловались.

– Какими судьбами? – удивлённо разглядывая племяннице и её спутника, спросила Ирина. – Сколько же мы с тобой не виделись?

– Давно, Ира, – ответила Лиля, – лет шесть, наверное.

– Ну, да, конечно. Я приезжала в Бахкент, когда умер Алексей, мой брат и твой папа. Ты, тогда, совсем девчонкой была, а сейчас, видная невеста.

Ирина посмотрела на Александра, а это рядом с Лилей был он, и перевела вопросительный взгляд на Лилю.

– Знакомься, Ира, это мой Саша. – Лилия ладонью руки показала на Александра.

– Очень приятно, – ответила Ирина, рассматривая крепкого парня. – Вы для меня полная неожиданность.

– Нам нужна твоя помощь, Ира, – начала говорить Лилия.

– Подожди рассказывать, – перебила её Ирина, – я сейчас отпрошусь у начальства. Пойдём ко мне домой. По дороге и дома всё расскажешь. А сейчас присаживайтесь здесь на стулья. Я быстро.

Ирина ушла, а Александр с Лилей присели на стулья и стали её ждать. Минут через пять они втроём шли к Ирине домой.

Александр шёл молча. Он слушал, о чём говорили Ирина с Лилей.

Ирина была самой младшей сестрой отца Лилии. На вид ей было чуть больше тридцати лет. Разница в возрасте у тётки и племянницы была не очень большой, поэтому они общались между собой, как равные.

От конторы, где работала Ирина, до дома, в котором она жила, было не очень далеко. Они быстро дошли до него. У Ирины была двухкомнатная квартира на втором этаже пятиэтажной «хрущёвки».

В короткое время Лилия успела рассказать тётке о родственниках в Бахкенте, всё о себе и об Александре. Когда её рассказ достиг темы проживания в Куйбышеве, лицо Ирины слегка нахмурилось. По этой реакции было понятно, что по каким-то причинам у неё не было особого желания оставлять у себя в квартире в качестве жильцов этих двух, пусть даже и близких и родных, пусть даже на очень короткий срок, но, как снег на голову, свалившихся молодых людей.

– С мужем своим, Андреем, я разошлась, – рассказывала Лиле о себе Ирина за чашкой чая в небольшой кухоньке. – Надоели мне его пьянки и вечная ругань. Но, он приходит в гости, чтобы увидеть своих деток.

– А где Стасик и Любочка? – спросила Лилия. – Я думала, что они дома!

– Их Андрей иногда с собой в город забирает. Он живёт у своей матери. Вот к бабушке они и ездят.

За разговорами прошло немало времени. Ирина, понимая, что племяннице и её парню идти некуда, предложила им пожить в её квартире.

– Но, только, я надеюсь, что вы будете жить у меня недолго, – сразу предупредила она, – тесно будет нам всем в нашей маленькой квартирке. Вы, уж, не обижайтесь!

– Что ты, что ты, Ира, – сразу же ответила ей Лилия, – конечно. Мы останавливаемся у тебя только на короткое время. Как только найдём подходящую комнату в городе, так сразу и съедем. Саше и мне нужно будет устраиваться на работу, а из Петра Дубравы ездить в город не совсем удобно. Далеко. А Саша ещё и допоздна учится в институте. Поэтому не беспокойся. Мы долго тебя не стесним.

Прошла неделя. За ней пролетела ещё одна. Дни шли, а подходящей квартиры или комнаты всё не было.

За эти дни Александру и Лиле довелось познакомиться и с Андреем, бывшим мужем Ирины. Несмотря на развод, они словно и не разводились и продолжали жить прежней семейной жизнью.

Лиля быстро нашла общий язык с детьми Ирины. Она проводила с ними всё время, пока Александр оформлялся на работу, и ездил по городу в поисках нового угла для проживания.

Старший сын Ирины Стас готовился к школе. Ему уже исполнилось семь лет. Как и положено мальчишке в этом возрасте, он был непоседливым шалуном. Для Лили и Александра его шалости доставляли немало проблем, но деваться было некуда.

Младшая дочь Ирины, Любочка, была девочкой очень умной и спокойной. Спокойствие и ум были для неё компенсацией того физического недостатка, который был у неё от рождения. Она была глухой и ничего не слышала.

Лиля всё своё внимание уделила трёхлетней Любочке. Девочка чувствовала это и быстро полюбила свою двоюродную сестру.

Лиля с Александром понимали, что все разлады в семье Ирины происходят из-за пьянок Андрея. За две недели совместного проживания они насмотрелись на его «чудеса». Трезвым он был неплохим парнем и отцом. Андрей очень любил свою дочку, но после общения с ней всякий раз напивался и обрушивал на Ирину свой гнев бессилия за судьбу девочки. Так было почти каждый день.

По совету Ирины Александр вновь устроился в авиационный завод разметчиком плазового цеха. Там же макетчиком работал и Андрей. Александра приняли в цех по его рекомендации.

С выходом Александра на работу Лиля целыми днями оставалась одна. А ему пришлось осваивать профессию разметчика. Это было несложно, потому что он был конструктором, а работа разметчика значительно проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.